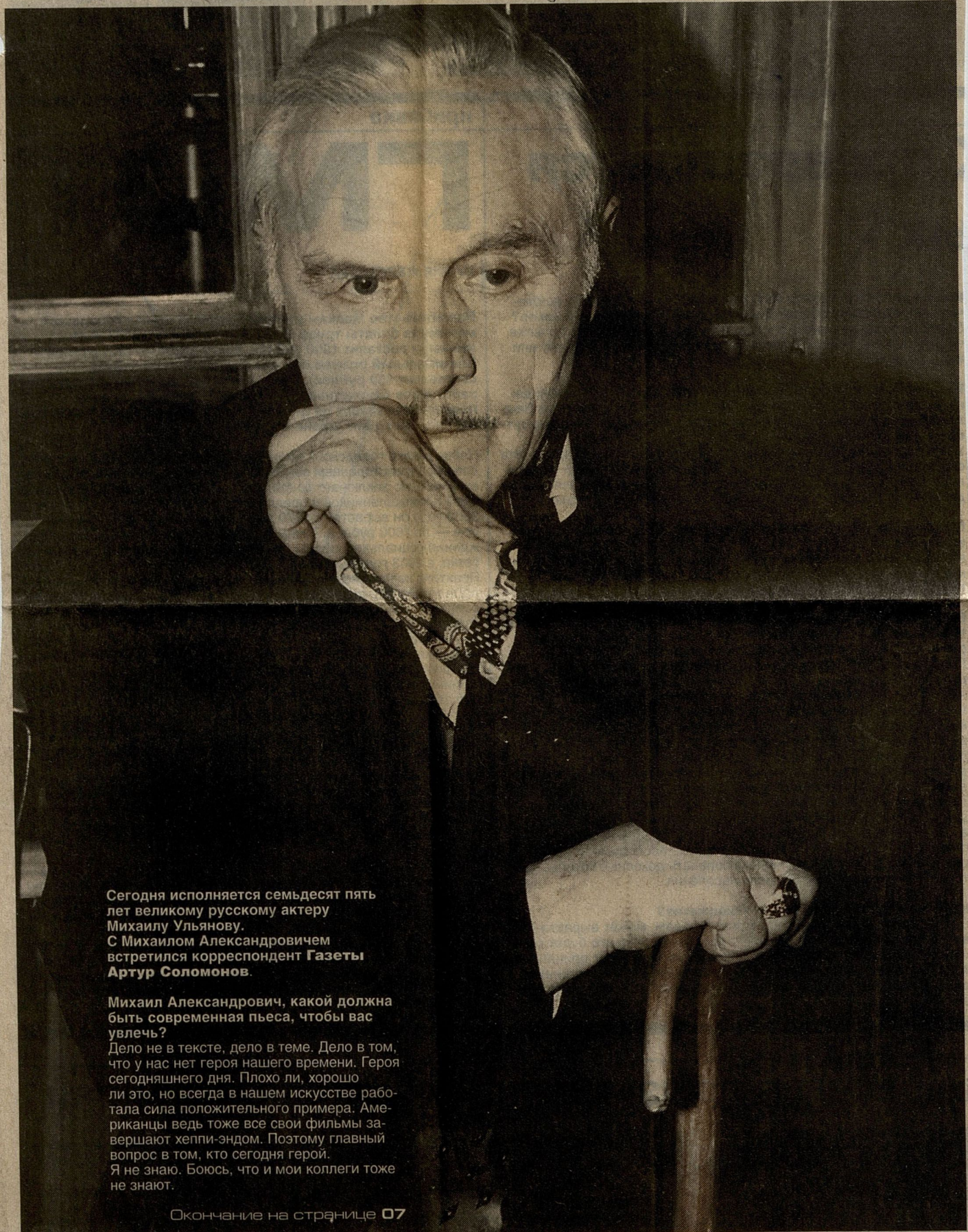

“МОЙ ПОЕЗД УЖЕ УШЕЛ”

Михаил Ульянов — Газете *Газета-2002-20 мая-с.17*

Сегодня исполняется семьдесят пять лет великому русскому актеру Михаилу Ульянову. С Михаилом Александровичем встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

Михаил Александрович, какой должна быть современная пьеса, чтобы вас увлечь?
Дело не в тексте, дело в теме. Дело в том, что у нас нет героя нашего времени. Героя сегодняшнего дня. Плохо ли, хорошо ли это, но всегда в нашем искусстве работала сила положительного примера. Американцы ведь тоже все свои фильмы завершают хеппи-эндом. Поэтому главный вопрос в том, кто сегодня герой. Я не знаю. Боюсь, что и мои коллеги тоже не знают.

Окончание на странице 07

“МОЙ ПОЕЗД УЖЕ УШЕЛ”

Михаил Ульянов — Газете

Окончание. Начало на странице 01

Когда вы стали художественным руководителем Театра имени Вахтангова, вы не объявили новой художественной программы, не написали никаких манифестов. Почему?

Потому что объявить легко — сделать трудно. Умасливать красивыми обещаниями — не в моем это характере. Хорошо это или плохо, но это так.

Москва в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы — какой она вам вспоминается, и насколько комфортно вам существовать в нынешней Москве?

В каждое десятилетие Москва имела свои, так сказать, хорошие качества. Но было и другое. Тридцатые годы — жуткие годы. Годы сталинского террора, который держал людей в жутком напряжении. И никакого покоя, никакой почвы под ногами не было. А внешне — все было хорошо! Эх, хорошо в стране советской жить... И так далее, и так далее... Веселые песни, веселые лица...

Внешне счастливый образ и внутренняя тоска. И опасность. Опасность совершенно невыносимая. Она могла настичь в любую минуту. В любую ночь могли прийти за кем угодно.

Пятидесятые годы были очень мягкими. Период оттепели. Но недолго, потом опять вернулись обратно. Но той жути, той опасности уже не было. И даже была такая фраза: «Ну хорошо, хоть не сажают». Хотя хорошего было в этом мало. Ведь то, что «не сажают», — это еще не все, этого мало для счастья-то. Нынешнее время — свобода! Полная! Теорию что хочешь! Но ведь мы задавлены испугом. Мы в напряжении от криминальной жизни нашего общества. Вырастает сила, которая навязывает другой образ жизни. В этой жизни нам навязывается подчиненность силе. И наглости. Опять покоя нет. В общем, мы живем все время в той или иной степени напряженности.

Ваш герой из фильма «Ворошиловский стрелок» — старик, мстящий за свою внучку, — в каком-то смысле ответ на ситуацию, о которой вы говорите. Вам не кажется, что этот фильм поддерживает настроения, бродящие в нашем обществе, вроде «грабь награбленное» и устанавливая законы сам, раз те, кто должен это делать, бессильны?

Вы знаете, этот фильм — почти сказочная история. В жизни все сложнее и страшнее. С другой стороны, это как бы крик в общество — что же мы, уже не защищены никем? И никому не нужны? И тогда русский человек берет оружие и пытается сам отстоять свою честь. Эта тема ведь не впервые поднимается. В Америке была такая картина с Чарльзом Бронсоном, у нас были картины, изображающие таких одиноких мстителей. Но это не решает проблемы. Один наказанный человек не изменяет ситуацию и не сделает так, что люди начнут жить в законе, в защите, покое, надежде, с достоинством. Вот этого всего, на мой взгляд, в нашей жизни все меньше и меньше.

Ваши родители не были против, когда вы сообщили им о своем решении стать актером?

И моя мама, и отец к этому отнеслись с пониманием. Ну, ты выбрал — пробуй. Хочешь — на! Они мой выбор не осложняли. Могло ведь ничего не получиться. Из ста девяносто девяти шансов было на то, чтобы не получилось. И была бы у меня совсем другая жизнь. Но — судьба сложилась так. А в судьбу я верю.

Тем не менее, когда судьба вас подталкивала к тому, чтобы остаться председателем Союза театральных деятелей, вы этому не подчинились. Что вы почувствовали, когда на съезде СТД поднялся лес рук за то, чтобы вы остались председателем на третий срок, когда из-за вас все были согласны поменять устав? Мысли у меня были очень горькие. Потому что я понимал, что надо было и в третий раз взять на себя это. Я не из категории вождей. Я из тех людей, которые трудятся

В 1964 году Михаил Ульянов снялся в фильме «Председатель», с 1986 по 1996 год был председателем СТД, но сам говорит, что не принадлежит к категории вождей Фото: ИТАР-ТАСС

в меру своих сил и возможностей. Но мне не позволяли силы и здоровье, чтобы браться за это еще и в третий раз. Поэтому — горечь. И в то же время, конечно, радость, когда я увидел лес рук. Значит, эти десять лет, что я был председателем, не прошли незамеченными... Но, с другой стороны, — смешная история: я иногда проезжаю мимо здания, где находится СТД, и думаю: «Мать моя, десять лет я угрожал сюда! И как будто бы ничего не было! Как будто меня там и не было! Такая забвенность — она, конечно, страшная штука в человечестве...»

А как это должно было выражаться?

Ну, это не значит, что должны слагаться гимны! Я не об этом, а о том, что летит жизнь мимо тебя — в удачах, в неудачах, и все...

В спектакле Петра Фоменко «Без вины виноватые» по пьесе Островского вы сыграли Шмагу — нелепого, смешного, спившегося человечка, неудачливого

актера. Что стало «горючим» для создания этой роли?

Везде и всюду Шмагу играют как чудака, пьянчужку. Я это тоже играл. Но прибавил еще и горечь от напрасно прожитой жизни. Горечь, заливаемую водкой. Это трагическая судьба. Это одна из сторон актерства. Есть успешная, блистательная Кручинина, и есть Шмага. И он говорит: «Вы знаменитость, вы получаете почти половину сбора, а ведь еще неизвестно, от кого зависит успех спектакля! Кто делает сборы, вы или мы?». Вот, помня об этих бесчисленных шмагах, забытых жизнью, непризнанных актерах, я и создавал эту роль.

А примеров перед глазами...

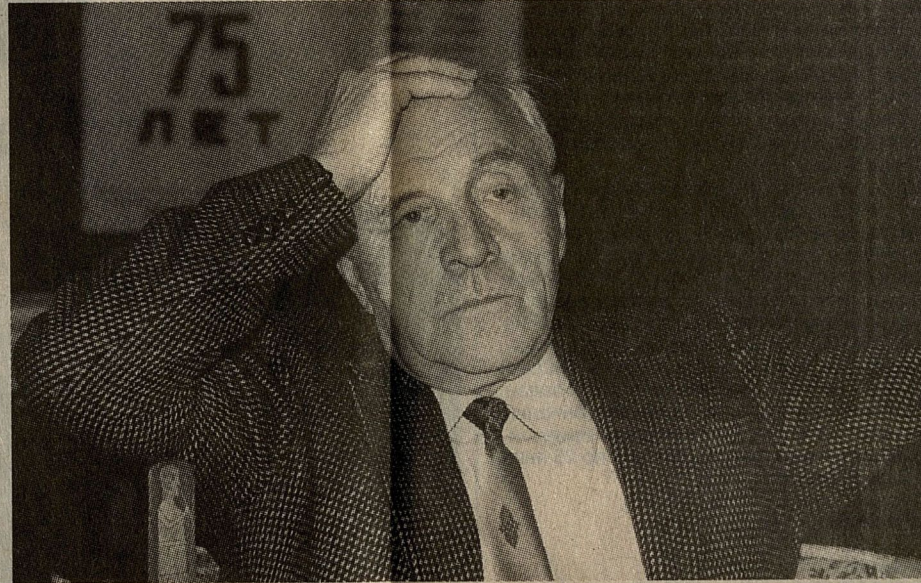
Сколько угодно! Уж чего-чего, а этого много! Так много... Обратной стороны медали — блеска и победы — у нас, в театре, гораздо меньше.

У вас никогда не бывает ощущение, что за успех, за радость придется расплачиваться?

Радуетесь, если ваша работа находит отклик в сердцах зрителей. Если она приносит публике некую очистительную радость. Успех — это так редко бывает! Театр — такая непостижимая штука, что предсказать ни один Станиславский тут ничего не может. Ничего. От сложения множества всяческих причин: пьеса, режиссер, актер, время, боль сегодняшнего дня — все это вместе создает почву для создания роли, которая прозвучит в сердцах зрителей, станет для них событием. Или наоборот — мимо сада! Поезд прошел — а тебя это никак не затронуло, никак.

А было такое, что ваша роль имела успех, но, как вы чувствовали, не попадала в нерв времени?

Так не бывает. В искусстве театра это невозможно. Здесь должна быть соединенность времени и актерского жития-бытия. Времени и умения выразить это время. И если это получается, то это время звучит звонко в сердце актера. И тогда актер счастлив.

«Сестра на завалинку и отдохнуть у меня не получается. Я заскучаю» Фото: ИТАР-ТАСС

Когда, работая над ролью, вы понимаете, что характер, который вы разрабатываете, во многом подобен вашему — это помогает или, напротив, сковывает фантазию?

Всякая роль — это художественное создание. Создание некоего нового мира. Новой личности. Художник рождается, чтобы отразить мир, в котором живет. А походил ли на меня образ? Ведь всякую роль я создаю из себя. Из своего сердца, своей боли, своих ошибок... Они и создают образ. Поэтому считаю ли я себя похожим на того или иного героя? Ну, едва ли. И в то же время — абсолютно похож. Потому что у меня нет сподручных материалов. У меня есть только я — как материал. И поэтому каждый Наполеон похож на меня.

А с ролью Ленина как было? Что вы нашли с ним общего? И что это вообще тогда значило — вжиться в образ Ленина? Понятное дело, роли Ленина придавали особое значение. Ведь это был как Бог, как новый Христос. Коммунизм — ведь это религия. Тогда чересчур сложная ситуация историческая сложилась, и пришел человек, который потряс мир. Как потряс — хорошо или плохо — это еще долго надо разбирать... Но он потряс. Поэтому отношение к Ленину было как к обожествленной личности.

Вы так его и играли?

Нет, я его играл по-другому немножко. Немножко. Но, в общем, ничего особенно противоречащего устоявшемуся образу я не играл. Так сказать, «архи не то», как он говорил. Я играл то же самое, но оценивая эту роль с позиции времени. Одно дело — играть Ленина в тридцатые годы, когда на сцену Вахтанговского выходил Щукин, другое — в восьмидесятые.

И что менялось?

Отношение. Менялась тональность. Потому что так, как играл Ленина в 1937 году Щукин, уже нельзя было играть. И я, и Кирилл Лавров уже играли Ленина по-другому. Ведь тогда это был Бог, а сейчас стараются понять: в чем же его прельстительность, что он потащил за собой такую массу народа? Ведь это не шутка — ведь это до сих пор заставляет потрясаться мир!

Если бы появилась современная пьеса, в которой образ Ленина был бы переосмыслен, вы бы согласились его сыграть? Я бы сыграл только одно: трагическую ситуацию, в которую он попал. Он понял, что не туда пошел и не туда повел страну. А уже болен, уже без сил, уже ничего поделать не может. Соратники ухватили вожжи, повезли в другую сторону... И он это понимал, но ничего сделать не мог. Ничего! Ужасно.

Вы очень много говорите о необходимости совпадать со временем. А у вас лич-

но не возникает ощущения несовпадения со временем, с той жизнью, что происходит за этими окнами?

Очень даже сильное! Я сейчас очень четко чувствую, что мой поезд уже ушел. Я уже не могу так работать, как работал. Дело не в качестве актерства, а в личной позиции, в оценке происходящего. Я вижу, что молодые ребята цепче, что они быстрее схватывают все. Но они и жестче. Разные поколения, разные. А мое поколение уходит... Если не ушло.

И что делать, когда чувствуешь, что твой поезд ушел?

Продолжать работать, сколько есть сил. Наши руки, наш опыт — тоже не худо. Это не значит, что на себе нужно поставить крест и уйти.

Вам никогда не хочется послать все это к черту и жить без театра?

Нет. У меня не получается. Кто знает, может, это и надо сделать, но сестра на завалинку и отдохнуть у меня не получается. Я заскучаю. Поэтому суестьишься, работаешь. А возможно, это все только суета. Период очень грустный. Очень.

Кирилл Лавров в интервью Газете говорил, что вы с ним находитесь примерно в одинаковых ситуациях и проблемы, с которыми вы сталкиваетесь, руководя театрами, похожи. Но, как мне кажется, он хоть и устал, но у него чуть больше азарта, чем у вас.

Может быть, может быть. Мы тут недавно с ним были в Греции по делам Международного института театров. И мы с ним поговорили: действительно, у нас очень похожие ситуации. Что-то получше у него, что-то получше у меня. У него больше азарта? Да, возможно. Но мне он признавался, что очень устал и с радостью бы ушел с поста художественного руководителя БДТ. Но уйти очень трудно. Во-первых, жалко, во-вторых, как-то горько. Тут много намешано всякой всячины. Но я, значит, более мрачно смотрю на жизнь, чем Кирилл Лавров.

Но что-то же вам доставляет радость?

Ну, естественно. Если вижу в театре хорошую работу. И в то же время — горечь. В общем, идет так, как идет. Ничего изменить нельзя, никого победить нельзя. Надо просто согласиться с тем, что есть. И восхитаться новым поколением нашего театра. Потому что я как худрук к этому приложил немалую долю своего труда, и это — большая радость. Дети — вообще большая радость. Они, конечно, много всякой всячины приносят. Моя дочь, моя внучка — конечно, много радости от них. Но я радуюсь и за новое театральное поколение театра Вахтангова. В общем, недаром мы прожили. У нас есть большое богатство: Максим Суханов, Сергей Маковецкий, Мария Арнонова, Анна Дубровская, и еще молодняк подрастает. Так что нам есть на кого опереться.